как литературный тип он всецело принадлежал кругу Симеона Полоцкого. Однако в целом официальная культура последнего десятилетия века развивалась под знаком превосходства грекофилов.

Около 1700 г. латинствующие явились в Москве в прежней силе. Осознавший свое западничество Петр искал в них помощников и поэтому поставил во главе русской церкви Стефана Яворского. Однако этот альянс оказался мертворожденным и кратковременным.

Что Петр не понимал и не любил монашества, не видя от него никакой пользы; что он превратил духовенство в сословие государственных чиновников, оставив за церковью роль блюстительницы народной нравственности и охранительного начала; что он опасался монахов-писателей и запрещал по кельям держать перья и бумагу, — все это хорошо известно, и нет нужды об этом распространяться. Известно также, что антиподом Стефана Яворского в богословии, литературе и церковной политике был Феофан Прокопович. Эту антагонистическую пару подробно рассмотрел Самарин, указав, что Феофан в проблеме оправдания принял протестантскую точку зрения, которая уповала только на веру и выше всего ставила Писание — в ущерб Преданию. Однако в зрелые годы Петра не распри ученых монахов решали дело.

Разность между латинствующими и грекофилами не стерлась, но потускнела. Те и другие оказались в положении обороняющихся и часто выступали как союзники. На стороне царевича Алексея были как люди старомосковского закала, так и Стефан Яворский. В эту эпоху различия между ними уже не имели принципиального значения, и поэтому, например, нет смысла образовывать противоборствующую пару Стефан Яворский — новгородский митрополит Иов, хотя первого можно считать наследником Сильвестра Медведева, а второго — Евфимия.[25]

Дело в том, что теперь проблему оправдания решал сам Петр, и его решение оказало определяющее воздействие на писательский тип. Обратимся хотя бы к указу о монашестве и монастырях, который император дал Сенату 31 января 1724 г. Здесь многое написано Феофаном, в частности следующая замечательная фраза о «желающих монашества для архиерейства», т. е. об ученых иноках, которые в России испокон веку становились писателями: «По архимандрите быть собственному таковых монахов надсмотрщику и директору, человеку ученому, который бы и переводы и трактаты осматривал, исправлял и свидетельствовал, також и кто что в библиотеке читает и записует, ведал бы, и всех

[25] Любопытно, что кто-то из учеников Иова написал поэму «Лествица к небеси», которая во многих общих и частных положениях сходна с «Пентатеугумом» люллианца Белобоцкого, см.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 322—348, 398—399.